

Антон БОТЕВ

ОСНОВЫ КИРОВСКОГО АКЦЕНТА

Вернулся на родину и провел там две недели.

Первым делом понял основы кировского акцента. Кировский акцент тут везде; я сам за два дня начал говорить по-кировски. Подобно Анри Пуанкаре и Уильяму Гамильтону я тоже могу указать точный момент открытия. Если первый заносил ногу на ступеньку омнибуса в Кутансе, второй прогуливался по Брумбриджу в Дублине, то я, например, был в магазине «Красное&Белое». Продавец на кассе спросил у меня примерно так: «Карточка-то наша есть ли?» – и я неожиданно для себя ответил «нету», не «нет», а «нету», что для меня не характерно, я стараюсь обходиться минимумом звуков. Именно в это мгновение, одновременно с осознанием того, что я сказал что-то по-кировски, меня и осенило.

Настоящий кировчанин никогда не ответит «нет». В Кирове почти любая фраза должна заканчиваться заударным слогом (в редких случаях – ударным), но в любом случае этот последний слог – ударный, заударный – должен быть дольше прочих, с небольшим, легким таким, повышением интонации. Предпоследний же, то есть ударный, слог должен быть, наоборот, короче остальных. Эти два последних слога образуют общий повышательный комплекс, который в идеале должен быть в конце каждой фразы. И используется по возможности даже внутри одного предложения. Если фраза заканчивается ударным слогом, к ней можно добавить частицу «то», или «ли», или «ведь», чтобы ударение на последний слог не падало, классический пример «ты в магазин-то пойдешь ли?» вместо «ты в магазин пойдешь?», это предложение дробится на две фразы, каждая из которых оканчивается на заударный.

Если же ударный слог не последний и не предпоследний, у кировчан есть следующая хитрость: они добавляют не «то», не «ли», а один из комплексов «ли хоть», «хоть-то», «то хоть», «хоть ли» и т.д. Ударение в этом случае, естественно, падает на предпоследний слог, а последний тянется. Этот комплекс, конечно, можно прибавить и к последнему ударному слогу.

Конечно, есть фразы, которые закончить безударным проблематично («как я ему и говорю»), но мышление кировчан уже автоматически так устроено, что такие фразы редки, кировчанин в разговорной речи таких фраз инстинктивно избегает.

Вместе с довольно быстрым произношением всех остальных слогов и использованием местных словечек («как», «че», «буди») это, по-моему, и составляет неповторимый кировский акцент. Быстрое произношение в данном случае – эвфемизм для игнорирования, вместо безударных слов употребляется шва, звук, который, например, можно услышать между «т» и «р» в слове «театр».

Способ борьбы с энтропией

Я вернулся на родину с целью повидать маму и сестер, а также немного, как бы это, отдохнуть, повдыхать запах родных осин, побродить с былым наедине ничем, ничем не беспокоясь, случайно увидеть, возможно, на улице кого-нибудь из прошлой жизни, снова испытать детские страхи, съездить в Казань, Слободской, осмотреть микрорайоны деревни Дурни или Бздюли, чтоб без меня обратный самолет растаял где-то в шуме городском. Но жизнь, как известно, вносит свои коррективы, и мой так называемый отпуск накрылся так называемой пиздою. Почти все время я сидел на съемной хате и работал, и только ежедневно ходил из центра (ул. Карла Либкнехта) в район ДК «Родина»

(ул. Мельникова) и еженощного возвращался из района ДК «Родина» в центр. Так что города я практически не видел, но из того, что видел, особенно заметно, что Киров, как самостоятельная сущность, выработал, наконец, способ бороться с энтропией.

Чтоб ввести читателя в курс дела, следует для начала сказать, что в двухтысячетучные годы он долго энтропии проигрывал. Он входил в запустение, дороги были все в ямах, уборку мусора оптимизировали, разбивая город на дворницкие участки все большего размера и увольняя лишних дворников, пока их не осталось совершенно, мусор не убирали вообще ниоткуда, ветер гонял по улицам пакеты, в центре росла крапива. Город постепенно и равномерно разрушался. Это было типичное наступление энтропии в соответствии со вторым началом термодинамики.

В последние годы энтропии не стало меньше, но город научился ее канализировать. За какими-то местами стали следить, зато другие, наоборот, стали полностью непригодны для жизни. Моей родной улице Мельникова, например, частично повезло. Там положили и регулярно перекалывают новый асфальт, теперь там уже долгое время нет ям. С другой стороны, асфальта на всю улицу Мельникова не хватило, в частности, не хватило на тротуар, и он совершенно разрушился, дорожка заросла, пройти по ней, не споткнувшись, стало сложно.

То же самое везде. Взять, скажем, сад около дома. Раньше он равномерно зарастал сорняками, теперь зарастает только в избранных местах, зато уж там, где он это делает, нынче просто целина (а там, где нет сорняков, малина колосится лучше).

Самая грустная картина – на улице Крутикова, бывшей Мориса Тореза. Раньше это была улица как улица, не хуже прочих, с двухэтажными домиками; когда у нас был ремонт (в девяностоголодные), государство в лице правления завода им. Лепсе позволило нам временно проживать в одном из них. Ах, девяностоголодные годы! Дворников было полно, наша семья сама промышляла этим ремеслом. Когда город решил канализировать энтропию, улица Мориса Тореза как-то почти целиком оказалась во внешней вселенной, где бушует стихия. Мимо этих двухэтажных домиков теперь просто не пройти. Наступает лес. Когда-то культурные заросли деревьев, робко растущие между домами и овощными ямами, превратились в сплошной полог: идешь как будто в зеленом тоннеле; воняет, как будто насрано. Скорее всего, насрано, удобрено. Говорят, двухэтажные дома собираются сносить, но там еще кто-то живет, окна по случаю жары открыты, внутри явно есть жизнь, доносятся какие-то звуки. Дальше метров сто НОВОГО асфальта, дальше за перекрестком асфальтовое покрытие дороги вообще куда-то делось, как будто специально сдирали, хотя зачем, целый квартал просто без асфальта, какие-то камни, песок. Раньше это был приличный квартал с детским садиком, в котором потом сделали публичный дом. Не уверен, что по этому куску улицы ездят машины. Я в детстве и юношестве ходил по ним, и это были хорошие улицы, клянусь. Теперь по ним не то что проехать, пешком пройти сложно.

Есть и другие маршруты, по которым я ходил в девяностоголодных, а теперь там ничего. Например, в коротком проходе мимо овощных ям с каждым разом все больше битых стекол, а проходов от железки в район Болота или, например, на улицу Возрождения теперь просто нет, густейшие заросли, куда все кидают мусор. Это царство энтропии.

Зато там, где город от нее отгородился, теперь все очень хорошо и культурно. Все ремонтируют и чинят, не хуже, чем в цивилизованном мире: в Латвии или в Москве. Детский садик «Почемучка», раньше открытый всему новому, гостеприимно открывавший свои веранды желающим выпить юношам и девушкам, теперь отрезан от мира глухой железной синей стеной высотой два с половиной метра, являя собой утерянный навсегда райский сад детства.

То есть если смотреть в среднем, то энтропия все так же наступает, но теперь только в избранных местах. Точно так же с энтропией борется и человечество в планетарном масштабе и в фантастических произведениях. Мир в Кирове точно так же

поляризуется, как и в целом в России. От этого всего очень странное и скорее неприятное ощущение.

Филейка

Начало девяностоголодных было противоречивым временем, с одной стороны, есть было нечего, с другой, было много чего другого, несъедобного. Мой отец, царствие ему небесное, скупал все появляющиеся в то время книги, а я как раз был книгочей, ставил себе целью, например, когда болел и в школу идти не приходилось, прочитывать по одной книге в день. Конечно, читал много трэша; но все-таки благодаря простоватому стихийному библиофильству отца, допустившему немного энтропии в мою жизнь, я есть тот, кто я есть. Он скупал совершенно разные книги, с презрением относясь к такому понятию, как жанр. Среди купленных им книг были и конспирологические откровения подполковников ГРУ, и справочники, как солить огурцы, и, например, «Встречи», произведения молодых кировских авторов. Оказывается, молодых кировских авторов было дохрена, на двести с лишним страниц. Эту книгу я, конечно, до конца ниасилил, но одно стихотворение запомнилось. Каждый раз, приезжая в Киров, я пытался эту книгу найти, но так и не находил. Искал стихотворение в интернете и тоже не находил, в интернете его нет. Спасибо сестре, в этот раз так совпало, что в Кирове мы были одновременно, и она эту книгу нашла.

Перечитав стихотворение, я понял, что только думал, что оно запомнилось; на самом деле оно запомнилось фрагментарно, несколькими строчками, наверное, двумя последними: я его перечитал: там много лишнего, но оно все так же передает уныние и безнадежность кировской жизни; в юности я не был с ним согласен, для меня это было описание некоторой соседней жизни, которую я подозревал, и моя жизнь, как мне казалось, была не такая. А описанная в стихотворении жизнь меня все время вчуже привлекала, в нем (стихотворении) есть посконная правда, выраженная деталями. Это стихотворение о Филейке – соседнем с нами районе, не совсем соседнем, через ОЦМ. Наш район Старое Лепсе дружил с Филейкой против ОЦМ, на Филейке располагалась площадь XX партсъезда и списанный гражданский самолет, в котором держали кинотеатр, а также Северная больница. Это край города, первым принимающий на себя удар энтропии, дальше только деревня Ганино с дурдомом, Санниковы и слобода Большое Скопино.

Я бы написал не так, стихотворение, возможно, было бы менее личным, но смысл был бы тот же. Может быть, это плохое стихотворение, но это стихотворение молодого (на 1990-й г.) кировского автора, Ольги Журавлевой, и для меня оно важно. Тем более, его нет в сети. Короче, довольно предисловий, –

На Филейке в шесть утра подъем.
Двери хлопают, как выстрелы из пушек.
Пять минут мы как-нибудь найдем,
Чтобы оправдания послушать.
Ты – мои, а я твои уже
Не расслышу за вселенским гулом.
Мы живем на первом этаже,
А с Филейки холодом подуло.
Надо срочно окна утеплять,
И кормить вареной рыбой кошку.
Я с шарами тусклыми кровать
Загоню кому-нибудь за трешку,
И завешу шторой голубой
Окна, что с тоской глядят в пространство.
На Филейке в 23 отбой –

Мы уснем с тобою на матрасах,
На холодном крашеном полу,
В ноги бросив старенькую шубу.
Сны, как прошлогоднюю золу,
Ворошить рукою смело буду.
И найду случайно уголек
Прошлогодний, потому нестрашный.
На Филейке вдоль и поперек
Ходят тени без вести пропавших.
Смотрят в щели и скребут в окно,
Растворяясь в утреннем затишье.
Слава Богу, на дворе светло –
Серебрятся шиферные крыши.
Мы надежно заперты замком,
Голубая штора на окошке.
Между нами ласковым комком
Мирно спит беременная кошка.
Нам Филейка протрубит подъем,
Я забуду все ночные бденья.
Как нам выжить этот день вдвоем,
Эту скуку, эту муку – воскресенье.

Интересные личности

Ровно неделя, как я в Кирове. Все это время, как уже сказано, я каждый день хожу из центра в район ДК «Родина» и каждую ночь возвращаюсь на хату, где работаю и ночую. Ходить, даже ночью, по городу совершенно не страшно. Я прохожу по местам, где школьником опасался хулиганов и киднэпперов, и места эти теперь, попав в одну из категорий радикализовавшегося города, либо совершенно цивилизовались, либо, напротив, совершенно одичали. Кировские расстояния теперь кажутся очень маленькими. Возможно я, проходя по ним, как бы избываю свои детские страхи, но это вряд ли, упомянуть такую возможность меня обязывает лишь педантичная добросовестность. Не знаю, как насчет кировчан, они, наверно, привыкли, но для меня вернуться в Киров – поддаться энтропии, погрузиться в абсолют, буквально-таки раствориться в теплой первобытной утробе, где все дозволено и ничего не стыдно, где ты такой же как все, инстинктами чувствуешь, что можно и чего нельзя, на все наплевать и ничего не страшно. На свою жизнь наплевать. Ты перемещаешься в пространстве, но одновременно как будто являешься частью жидкости и перетекаешь из одного места в другое. Воду можно резать ножом, можно бить ее топором, но это ничего не изменит. В моих кировских мыслях появляются мудрость и афористичность самого простого, доступного всем пошиба.

За неделю моих странствий в пути мне попало три не сказать странных, это было бы неправильно – три необычных персонажа.

1. В первую же ночь, когда я возвращался, точнее сказать, в первый раз шел на хату, в первом часу ночи, Киров не был еще первобытной утробой, и улица Кутшо была еще опасной. В ее начале стояла машина с включенными габаритами, а подальше, через дом, происходили некоторые терки, туда лучше было не ходить. Я миновал этот перекресток и пошел к Октябрьскому проспекту, и меня тут же окликнули.

В тени стоял человек, он спросил, тороплюсь ли я. Я сказал, что вообще-то да. Доведите меня до круглосуточного магазина, сказал человек, проигнорировав мой ответ. А вы что, не можете, сказал я. Я подумал, что он пьяный. Я слепой, сказал человек. А где этот магазин, сказал я. Да тут, недалеко, сказал он. Ну, пойдёмте, сказал я и дал ему руку.

Нет-нет, сюда, сказал я. А потом доведите меня обратно, сказал слепой. Нет, я сказал же вам, что я тороплюсь, сказал я. Ну а как я обратно пойду, спросил слепой, риторически. А вот тут безопасно, сказал я, проигнорировав его вопрос. Конечно, если б я совсем растворился в кировском Брахмане, как я это сделал позже, я бы поступил уже не так.

Круглосуточный магазин действительно оказался чрезвычайно близко. В открытой двери горел свет, а на крыльце беседовали продавщица и две другие женщины. Серега, чего тебе не сидится, сказала одна женщина. Не помню, что ответил слепой Серега. А я его сегодня видела, еще спросила, покурить-то есть, чего ему не сидится, интересно, сказала та же женщина. Чего тебе не сидится-то, Серега, спросила у него продавщица. Мне в магазин надо, сказал Серега. Третья женщина все время молчала. Или, вроде, поддакивала то одной, а то другой. Вы торопитесь, спросила меня женщина, которая вечером видела Серегу. Вообще-то да, сказал я. Ну, вы идите, я его доведу, сказала женщина, и я пошел дальше.

2. Вторые необычные личности, которых я видел, были двое пьяных. Был примерно час ночи. Они стояли на улице Профсоюзной, упершись друг в друга лбами, точно как два барана. Оба при этом шатались. Я не хотел, чтобы какой-нибудь гипотетический наблюдатель связал меня с ними, поэтому быстро свернул в темный переулок, который в этот момент показался мне нужным, то есть ведущим в хату. Переулок оказался просто входом в совершенно посторонний двор. Я стал оттуда выходить, во тьме напоролся ногой на проволоку, которой в Кирове принято ограничивать парковочные места, и чуть не упал, совсем как те пьяные. Пьяные как раз разошлись, в том смысле, что отделились друг от друга, расцепились рогами, и один пошел вперед, а второй кричал ему Леха, Леха. Леха! Оба по-прежнему шатались. Леха посмотрел на меня оценивающим пьяным взглядом, но тут же отвел глаза. Таким образом, пока мы не дошли до следующего, нужного мне, перекрестка, мне так и не удалось отвязаться (в глазах гипотетического наблюдателя) от этих пьяных. Наблюдателей, впрочем, не было, ни гипотетических, ни реальных.

3. Третья интересная личность была не в такое позднее время, напротив Троллейбусного парка, или, может быть, уже Хлебозавода. Навстречу ехали какие-то довольно поздние и неинтересные велосипедисты, интересную личность они объезжали. Интересная личность была в рабочей одежде, типа спецовки, у нее была большая сумка с камнями, она вытаскивала камни из сумки и красиво раскладывала их по лужам (а в тот день было много луж, прошел ливень). Это была уже вторая лужа, в первой лежало довольно много камней, а в сумке хватало камней, наверно, еще на пару луж. Зачем она так внимательно и тщательно раскладывала по лужам камни, тем более часов в одиннадцать – я не понимаю. Если б я совсем растворился в кировском Брахмане, в общинности, я бы обязательно спросил у него, чего это он это делает-то, но пока держусь, моя индивидуальность мне еще почему-то нужна. В Кирове это гордыня, но я пока не готов. Это была третья удивительная личность, встреченная мною в моих скитаниях от дома родителей до съемной хаты, и, наверно, самая странная.

(Я не описываю здесь женщину-карлика с собачкой, которую встречаю регулярно; однако упомянуть ее стоит, потому что ни один хороший текст не может существовать без упоминания карлика).

Хаос

Я (почти) все время ходил по местам, расположенным на фронтире борьбы с энтропией, на границе, в лимитрофной зоне¹, но есть ведь и места определившиеся, места, полностью погруженные в Хаос, и места, полностью подчиненные Порядку. Большое Скопино, Ганино, Вересники – места, погруженные в Хаос, и всегда были погружены в

¹ Очень подробно о лимитрофных обитателях см. в моем тексте «Лимитрофный человек», Волга, №9, 2014.

Хаос, и, судя по тому, как обстоят дела, вечно будут погружены в Хаос. Это другой мир, располагается он менее чем в километре от Цивилизации. Его обитатели – хаоситы, такие же, как цивилизованные люди, только с другим знаком, как лешие. Они никогда не прочтут этих заметок, поэтому я могу писать о них что угодно.

Слобода Большое Скопино находится в пятнадцати минутах от моего дома на Мельникова. Нужно выйти на железную дорогу и медленно пойти направо. Через пять минут железка пройдет под мостом (это не просто мост, это одна из главных транспортных артерий города, Октябрьский проспект), еще через три минуты свернет направо уже железная дорога, а путнику нужно свернуть с нее налево и пойти по пустынной дороге мимо какого-то то ли охрannого агентства, то ли строительной фирмы, потом справа начнутся и тут же кончатся сады, а дорога резко пойдет вниз, с уклоном градусов пятнадцать, не меньше, слева будет обрыв, ведущий вверх, а справа зелень и разрушенные дома, и все вниз, вниз, вниз, и можно уже не отмечать ориентиры, потому что ты уже в Большом Скопино. Но ни одного дома ты не видишь, место это совершенно пустынное, там нет НИЧЕГО, только дорога, деревья, кусты и некоторый первобытный ужас от пустоты. Иногда проходит случайный рыбак в сапогах и с удочками или тяжело поднимающиеся вверх искупавшиеся личности. Людей здесь и вообще мало, а местных еще меньше, они, кажется, прячутся; во всяком случае, все, исключая рыбаков и детей, смотрят друг на друга с изумлением, как бы думая: «И куда же это мы попали? Да еще и так близко от дороги, по которой ходят троллейбусы? Ну надо же! Подумать только, пятьсот, нет, триста метров от Октябрьского проспекта, одной из главных артерий города – и уже стирается с тебя налет цивилизации, ты один на один с природой и с другими такими же заблудшими сюда душами». Примерно с таким выражением смотрят на тебя встречные.

Если еще спуститься вниз, можно дойти до Вятки, вернее, сначала до кустов, потом до Вятки, минуя все же несколько домов. В детстве мы несколько раз ходили с родителями купаться в Скопино, возвращались всегда в темноте или сумерках, ярко горели окна этих нескольких изб, и потом бесконечный подъем вверх, вверх, вверх, все выше, к железке – и вот ты почти дома. Характерно, что человек, проживая долго на одном месте, постепенно как бы рассеивает туман войны вокруг места своего появления на свет, выбирая во время прогулки то одну окрестность, то другую, расширяя ойкумену – так вот Скопино всегда было запретной зоной, никому даже в голову не приходило ходить туда гулять.

Вересники – другая разновидность хаоса. Все то же самое, что в Скопино, только они ОБИТАЕМЫЕ. Это тоже слобода, так же близко от города, прямо напротив центра, и тоже находятся у Вятки (весной их каждый год заливают). По Вересникам даже проходит автобус номер десять, так что местным, чтобы попасть в цивилизацию, приходится принимать человеческий вид, а то не пустит кондуктор. Единственное, что хранит город Киров от нашествия обитателей этого места в их первозданном виде, с лошадиными либо песьими головами – Трифонов монастырь с его святой водой.

Погружение в абсолют

Когда я писал, что в Кирове как будто растворяешься в Брахмане, я ведь не шутил. Это была не фигура речи. Здесь ты в самом деле теряешь индивидуальность и становишься частью чего-то большего, а части бояться целого грешно. Ты чувствуешь такое единение с народом, какого не чувствуешь нигде, ни в Москве, ни в Латвии. В Латвии люди, даже русские, не говорю уж о латышах, слишком сами по себе, не в смысле индивидуальности или эгоизма, а просто отчего-то не сливаются с социумом. В Москве люди уже западные, их слишком много и они слишком разные. Даже мои сокурсники, которые остались в России и не уехали, стали западными. Здесь же, в Кирове, как будто ввергаешься в родную пренатальную среду. На второй день ты говоришь с таким же

акцентом, как и прочие. Если ты не выделяешься, бояться тебе нечего, потому что ты такой же, как все; если в тебе нет агрессии, то с тобой ничего не случится, отсюда традиция иметь блаженных. Бояться тебе стоит, если ты чужой, среда агрессивна к чужим, так же, как желудочный сок агрессивен к пище, он ее переваривает, среда не дает другим долго быть другими, и ты, даже блаженный и неагрессивный, все-таки тоже несешь в себе это свойство, которое чужие чувствуют и становятся к тебе враждебны. Потому что ты представляешь не себя, а свой народ.

Поэтому русские по сути своей не европейский народ. Может быть, московские русские – да, а русские малых городов – еще нет. Я это почувствовал даже в Калининграде, даже в Калининграде погружаешься в эту среду, но чувствуешь меньше, ну это понятно, потому что Калининград все-таки относительно западный город, и, самое главное – я не местный. И понимаешь про Калининград, кстати, только когда оказываешься, вернее сказать, погружаешься в Киров.

Когда видишь ничтожность и величие одного человека, ничтожность и величие целого народа, когда различие между человеком и народом не качественное, а количественное, и понимаешь, как хрупок и убог человек и тем самым весь мир, тебя охватывает жалость и гордость за него, тебе хочется что-нибудь сделать для этого человека (и мира), ну, хотя бы заплакать. Хочется стать Буддой. Когда видишь старушек, торгующих у входа в бывший двадцать пятый магазин, убогих, нищих, просто бедных, больных, несчастных, толстых, глупых, с этим смешным акцентом, ничего не боящихся не из смелости, а из фатализма и незнания, мрущих и нарождающихся, в спортивных штанах, карликов, пьяных, слепых, с микрокредитами, с Альцгеймером – понимаешь две вещи. Во-первых, ты такой же, как они, они такие же, как ты. Во-вторых, хочется всех спасти, спасая одного, спасаешь весь мир, это все становится ясно как день. Брахман, или абсолют, в который погружаешься – надличностная индифферентная душа мира, первооснова всего. Растворяясь в народе, тем самым растворяешься в стихии. В Европе и даже современной Москве Будда или Иисус появиться не могут. Хотя нет, в Москве может быть, в гомогенном Щукино или Зябликово. По этому признаку (наличие Будды и Иисуса) евреи или индусы такие же, как русские, отсюда, кстати, возможно, и ненависть к такой же токсичной к чужакам, как русские, еврейской среде.

Скоро все это исчезнет, конечно. Раньше Москва тоже была такой, во времена, например, Пушкина. Пластмассовый мир победит окончательно. Я не могу сказать, какой мир лучше, пластмассовый мир – всего лишь удобный и довольно точный термин, я не вкладываю в него негативного смысла. Конечно, европейские люди не смогут почувствовать себя частью чего-то большего (русские тоже этого не рефлексируют, просто для них это есть – вот и все), не испытают вселенской русской тоски и великой же радости, зато много чего приобретают взамен – ту же вшитую в них индивидуальность. Мир меняется, ну и ладно, пускай меняется, тут мы ничего сделать не можем (и не желаем).

Когда я был ребенком, я всей этой «русскости» не понимал, потому что с этим жил с рождения. Понадобилось прожить двадцать лет в Москве, потом еще шесть лет в Риге, потом вернуться в Киров и только тогда почувствовать разницу.

Порядок

Я (почти) все время ходил по местам, расположенным на фронтире борьбы с энтропией, на границе, в лимитрофной зоне, но есть ведь и места определившиеся, места, полностью подчиненные Порядку и места, полностью погруженные в Хаос. Окрестности Цирка, Театральная площадь – места, подчиненные Порядку. Это другой мир. Один мой друг читал эти заметки и не узнавал город, он думал, что я о другом городе пишу, но нет, – он просто всю жизнь прожил в центре, около Театральной площади. Эх, эти люди, не выбиравшиеся из города, не выдавшие жизни. Мы учились с ним в одной школе, и ему

нужно было пройти четыре квартала, а мне проехать полгорода. На четвертом троллейбусе, идущем от Филейки по Октябрьскому проспекту, по Карла Маркса, по Ленина (там я и выходил и шел в школу по Труда), потом мимо рынка, Привокзальной площади в какие-то далекие ебеня на Чапаева. И кто больше видел жизни?

Около Цирка раньше располагалось колесо обозрения. Этого колеса одного не хватало, чтоб в одиночку сдерживать энтропию. Место там было хоть и цивилизованное, а все равно на границе миров. Под колесом обозрения был шалман с чебуреками, пельменями и пивом, играла громкая музыка, сидели постоянно пьяные. Чуть дальше был автовокзал и железнодорожный вокзал, чуть ближе, с другой стороны – парк обшарпанных аттракционов, например, лодка, которая раскачивалась с ужасающей амплитудой, или паровозики. С верхней точки колеса видно было только вершины окружающих его деревьев, что делало саму идею этого сооружения несколько абсурдной, обозрение с этого колеса сложно было назвать увлекательным. Впрочем, между деревьями постоянно ходили люди, подходили к другим аттракционам, что привносило в катание некоторое разнообразие. Также вдалеке можно было разглядеть крышу Цирка или Диорамы, что привносило еще больше разнообразия.

Теперь рядом построили второе колесо обозрения, и все наладилось.

Это второе колесо выше первого раза в два или в полтора. Под ним располагается сердечко, на фоне которого можно фотографироваться, билетная касса, а также мороженщица. Кроме того, вокруг него не стоит деревьев, а, наоборот, лежит сравнительно открытая местность, и даже с прудом. С верхней точки видно с одной стороны леса, окружающие Киров, и за ними Нововятск, а с остальных сторон многоэтажки. Внизу стоит массивик-затейник и непрерывно громко развлекает многочисленных детей. Все так же ходят внизу люди, направляясь к парку аттракционов, уже не таких обшарпанных, а Цирк и Диораму видно полностью. Старое колесо обозрения тоже осталось и даже работает, привлекая, видимо, неимущих граждан, желающих покататься на колесе обозрения, но не обладающих необходимыми средствами на новое, большое колесо. Таким образом, теперь в окрестностях Цирка и гостиницы «Вятка» находится одновременно два колеса обозрения. Вот это порядочек, это порядок, цивилизация. Хаосу тут места нету. Люди расслаблены и не ведают о внешней угрозе.

Цивилизация укрепляется не только в окрестностях гостиницы «Вятка»! Взять, например, центр. В окрестностях Театральной площади есть множество магазинов, в кофейне предлагают любой вид кофе с любым видом молока или молокоподобной жидкости. Можно горячее, можно холодное. И одновременно, пока потребляешь этот кофе, тебе распечатывают документы, которые ты принес с собой на флэшке или скачал из интернета. Можно скачать, например, реферат, а можно поэму «Мцыри», а можно и самому сочинить стишок и распечатать его, а почему нет? «На Филейке в семь утра подъем», например. Вот как все удобно и разумно придумали, одно слово – цивилизация. Работники кофейни приветливы и улыбаются тебе, и не хочешь, а скажешь: Ах, какое хорошее у вас место, – и они снова улыбнутся, а то и засмеются от радости.

Да что кофейни! Положим, мне надо было побриться, а то у меня от местной соборности начала вдруг густо расти борода. Нашел в интернете барбершоп, позвонил туда, записался в тот же день на семь вечера. Имя мастера было какое-то нерусское, мне показалось – кавказское.

Какое там! Подходя к барбершопу, я заметил выходящего оттуда покурить молодого чернокожего. Возможно, это мой мастер, подумал я с волнением. Поднявшись на крыльцо, я вошел в дверь, потом в другую – и сразу понял, что попал туда, куда записывался, потому что за стойкой сидел еще один чернокожий и разговаривал с другим, посветлее, но, скорее, африканской расы. Садитесь, сказал он мне, барбер сейчас придет. Я сел и осмотрелся. В барбершопе было три или четыре кресла, на каждом (кроме моего) кого-то брили или стригли, и везде парикмахеры были, ну, как вам сказать? откровенно говоря – негры. Для Кирова это, наверно, экзотика, несмотря на всю цивилизацию, но,

сдается мне, это были не настоящие барберы. Мой, например, расцарапал мне всю шею, да и только.

Интересная личность

На второй неделе, когда Киров почти переварил меня, были следующие интересные личности. Вернее, интересной личностью выступал уже больше я, потому что различие между «я» и «не-я» истончается и все стирается, стирается.

1. Первым знаком того, я был принят землей-то вятской, был следующий. Без десяти минут полночь я шел по своему обычному маршруту с улицы Мельникова до центра, ради разнообразия не пырясь в телефон на покемонов, а пырясь, наоборот, на прохожих, которых в тот ночной час на улицах было весьма мало, но и по случаю жары более, чем можно было бы предполагать, с видом грозным и цисгендерным, несмотря, с одной стороны, на серьгу в ухе, зато, с другой стороны, и с бородой. Навстречу какой-то пацан, лет, может, двадцати с чем-то. Идет и говорит здарсьте. Я, конечно, тоже говорю ему здарсьте, но не останавливаюсь. Зато останавливается он и объясняет мне, что часто здесь ходит и все время меня встречает. Ну надо же, говорю, а я что-то внимания не обращал, но не в этом моем ответе суть. А в том, что меня уже на улицах народ местный узнает и здороваётся, уважение выказывает, за своего признаёт. Приняла, приняла меня земляца Вятская! Почти растворился уже я в своем народе сердешном. Не поминайте лихом!

2. Я остановился, чтобы снять покосившийся сарай в Троллейбусном переулке, стал примериваться, чтоб получше его щелкнуть, и услышал сзади голос местного жителя, автохтона: а че это вы наш сарай-то снимаете? Местный житель просто так сидел в подъезде напротив сарая, он ничего не делал, просто ему, видимо, нравилось сидеть с голым торсом в темном подъезде. Нравится, говорю я. Че это он нравится, удивился автохтон. Ну, косой, говорю. Че косой? Косой, говорю, сарай-то. Ну и че, косой? Ну обычно-то прямые сараи, а этот-то косой. И это нравится, что косой? Ну да, необычно, другие-то сараи прямые, а этот-то косой. Станный вы какой-то человек, счел нужным сообщить мне автохтон. Кажется, он меня не одобрил.

3. В районе монастыря одна женщина старых лет в платочке увидела меня и без особого выражения лица перекрестилась.

4. В последний день в Кирове вышел в соседний дворик посидеть на лавочке. Рядом урна, из нее торчат ручки пакета, как уши мультипликационного кролика, вокруг лавки развешано белье на таких специальных железных штуках. Сел думу думать. Только начал, смотрю, приближается старушка в платочке и с тазиком для белья, смотрит на меня и говорит, Галя, ты ли че? Я говорю, не, я не Галя. А она смотрит на меня так мирно и говорит: а я думала, Галя. Ну я тогда белье соберу? Собирайте, разрешил я, а сам встал и пошел домой, чего я там буду сидеть, пока она белье собирает. Оглянулся через несколько метров, и вижу, что она за мной идет, по направлению к мусорным контейнерам, в руке у нее пакетик с мусором, и тоже крестится.

5. Упомянутые барберы в центре города, не могу их не вспомнить.

(Конечно, снова женщина-карлик, которую я не описываю, я встречал ее раза четыре. Я вижу ее третье поколение, они, можно сказать, мои соседи, я даже знаю, где они живут и немного историю их семьи, но писать об этом не буду, потому что это все-так реальный человек, зачем ему лишняя слава?)

Фарватер

Этот рассказ был бы неполон без описания моего еженощного маршрута. Мне бы хотелось, чтоб это была большая поэма, написанная, предположительно, в стиле ирландских саг, как «Плавание святого Брендана», но не стилистически, стилистически у

меня имеется фантазия написать это одним абзацем, (не этим, этот вступительный), и я намереваюсь потратить на ее написание не меньше того времени, что я трачу на свой путь (а лучше больше), то есть полчаса или час, в зависимости от того, захожу я в магазины, останавливаюсь половить покемонов и т.д. кроме того, путь может варьироваться, все ответвления описывать не буду, но, может быть, одно опишу. Не знаю, кому это будет интересно читать, текст задумывается и как художественный, и как познавательный, и как сентиментальный, и как краеведческий, то есть примерно всем и никому, как и полагается русскому народу.

итак погнали

Мой путь начинается на улице Мельникова, одной из тех улиц, что в нашем районе заасфальтировали, то есть там, где энтропия временно проигрывает. Нужно пройти мимо ряда одноэтажных строений, выстроенных еще при Сталине и уже начинающих постепенно разваливаться (с другой стороны находится синий глухой забор детского сада «Почемучка»), дойти до пересечения с улицей Гайдара, где уже есть несколько достопримечательностей: во-первых, это магазин «Красное&Белое», в котором продается не только красное и белое, но и, например, прозрачное; во-вторых, детская площадка напротив, мимо которой ходят пьяницы с бутылкой наперевес; в-третьих, конечно, магазин «Ассорти», бывшая «Чарка», потерявший алкоголический флер с приходом «Красного&Белого», но все равно закрывающийся в одиннадцать. После «Ассорти», если идти вверх по улице Гайдара, целый дом не происходит ничего интересного, зато потом с левой стороны начнется школа № 45 имени тоже Гайдара, в которой я учился целый год, и о которой у меня остались исключительно приятные воспоминания, в частности, там я впервые в сознательном возрасте понравился девушке (потом такого не было примерно пять лет), а с правой стороны будет дом, в котором умер мой дед. Все это хрущевки или сталинки, наш район застраивался как рабочий поселок для эвакуированного сюда из Москвы завода имени Лепсе, а сам Иван Иванович Лепсе, кстати, был латыш. Дорога идет в гору. Дальше сквер, в котором раньше каждый Новый год ставили горку, не знаю, как сейчас, наверно, не ставят, потому что теперь его облагородили, там красивые скамейки, фонарики, клумбочки, словом, это стало плохим и злым местом, а когда-то, наоборот, было очень хорошим и добрым местом. На лавочках все время сидят парочки или компании, и оно все время освещено, плохое, злое место. Слева от сквера находится ДК «Родина», это основной местный ориентир, если сказать таксисту «я живу в районе ДК “Родина”», он примерно понимает, сколько денег с тебя взять. После сквера находится короткий неосвещенный участок, потом улица Кутшо, где я встретил слепого. Вместе со слепым мы следуем до круглосуточного магазина, в здании, которое находится уже на Октябрьском проспекте; в этом же здании находится еще один магазин «Красное&Белое». В соседнем здании находится магазин с благородным названием «Бристоль», в котором продается примерно то же самое, что в магазине «Красное&Белое», кроме мяса (ибо мясо, как известно всякому, тоже бывает как красное, так и белое). Этот отрезок очень хороший, он всегда ярко освещен, там бульвар, там гуляют местные жители, в каждом доме или магазине, или какой-нибудь штаб ДОСААФ, или мастерская. Весь алкоголь работает до одиннадцати, так что мне это уже нерелевантно. Минуя около трех домов, выходишь к площади Лепсе, а площадь Лепсе это один из майлстоунов нашего города, если сказать таксисту, что ты живешь в районе площади Лепсе, он примерно понимает, сколько денег с тебя взять. На площади Лепсе находится магазин «Глобус», бывший двадцать пятый, а также круглосуточная аптека, в которую по ночам нужно звонить, тогда открывается окошко, и миловидная аптекарша вводит тебя в неведомый мир лекарственных препаратов. Дверь она при этом (по ночам) не открывает. Около двадцать пятого днем и ночью сидят продавцы различных ягод, днем больше, ночью меньше. Во время девяностогодных там сидели в основном продавцы спичек, работавшие на спичфабрике

«Красная Звезда», ныне очень удачно, я считаю, переименованную в «Феникс», которым платили зарплату спичками. Посреди площади Лепсе стоит памятник Кирову, и вокруг него ездят автомашины, их (памятников Кирову) в городе Кирове всего два, второй находится у ЦУМа. Перейдя дорогу, попадаем на остановку «Площадь Лепсе» с многочисленными ларьками, среди которых выделяются микрозаймы (там в основном микрозаймы), изготовление ключей и кофейня с феноменально несладким какао. Забыл сказать, на всем протяжении Октябрьского проспекта с левой стороны находятся корпуса завода имени Лепсе, но они уже в основном служат другим, каким-то неведомым целям, ну, например, там есть беспонтовый торговый центр, но некоторые корпуса все еще заводские. Так или иначе, идем дальше, и с правой стороны начинается стадион и спорткомплекс «Родина», родина команды по хоккею с мячом «Родина», пострадавший в результате рейдерского захвата, а с левой все продолжается завод имени Лепсе. На этом заводе работала моя бабушка, и если б его сюда не эвакуировали, то не родилась бы ни моя мама, ни сестры, ни я. После окончания завода и стадиона с левой стороны находится перекресток с улицей Северное Кольцо, а потом жд станция Киров-Заводская, а с правой трасса для картинга и Троллейбусный парк, с доской почета и троллейбусами. По ночам там орут чайки, хотя ближайшая река довольно далеко, может быть, километр или полтора. После троллейбусного парка начинается Хлебозавод номер пять, там все время одуряюще пахнет свежим хлебом, написал и тут же сам испытал голод. Там, в общем, уже точно можно сказать, что наш район заканчивается, а начинается центр, поэтому дальше не подробно. Откровенно говоря, наш район заканчивается уже на площади Лепсе, не тут он оканчивается совсем, целиком и полностью, окончательно. В общем, дальше улица Октябрьский проспект поворачивает направо, под углом сорок пять градусов, и я поворачиваю вслед за ней, там снова пара магазинов, еще один магазин «Красное&Белое», детский садик (а слева просто сквер), потом! потом находится гостиница «Молодежная», принадлежащая ЦДООШ (центру дополнительного образования одаренных школьников), очень хорошей организации, каждый год устраивавшей ЛМШ (летнюю математическую школу), повлиявшей на мою судьбу не меньше сумасбродного библиофильства моего отца. Потом еще несколько домов, кафе, магазины и, наконец, перекресток с улицей Профсоюзная, по которой надо свернуть влево, и скоро будешь на месте. Это неинтересно, это уже начало совсем центра. Из интересного на улице Профсоюзной могу выделить забегаловку под названием «Плов готов». Если же пройти чуть дальше по Октябрьскому проспекту, увидишь настоящий танк Т-34, правда, на постаменте, и кино внутри него нет.

ВОТ МЫ И ДОМА

Это основной путь, отклонения от него минимальны – например, можно пройти мимо ДК «Родина», а можно мимо аптеки (неописанной), можно пройти по Кутшо, а можно по Мориса Тореза, можно срезать угол между Октябрьским проспектом и Профсоюзной, а можно не срезать, и так далее. Но есть и полностью альтернативный путь – Троллейбусный переулок, где люди с песьими головами, где солнце заходит на востоке.

Троллейбусный переулок

По Троллейбусному переулку можно попасть от Танка, до, грубо говоря, улицы Мельникова. Это червоточина в пространстве. Слишком часто ею пользоваться не стоит, об этом мне говорит новообретенный инстинкт кировского жителя, особенно не стоит им пользоваться ночью, хотя некоторые считают, что не стоит им пользоваться и днем.

Как я уже писал, если идти от Танка домой, надо идти по Октябрьскому проспекту вдоль нескольких зданий, гостиницы «Молодежная», магазинов автопринадлежностей,

«Красного&Белого», хлебозавода № 5 с его когда-то процветающим магазином тортов, троллейбусного парка, трассы для картинга, спорткомплекса «Родина», только потом попадаешь на площадь Лепсе, откуда разными путями можно попасть и домой. Все это время ты понемногу сворачиваешь влево и, таким образом, глобально обходишь троллейбусный парк (справа), что удлиняет твой путь.

Но можно пройти и более или менее по прямой, держа троллейбусный парк по правую руку, и выйти к улице Лепсе (не площади!), а оттуда уже домой. Получается, ты идешь домой не по дуге, а по хорде. Эта хорда и есть Троллейбусный переулок, с частично пересекающимся или сливающимся с ним Машиностроительным переулком. Чтоб туда попасть, нужно с Профсоюзной улицы не сворачивать на Октябрьский проспект, а просто идти дальше вперед, и очень скоро местность понизится, и упрешься в гаражи, но сдаваться не надо, между гаражами много тропок, которые ведут еще на уровень ниже, и это и будет Машиностроительный переулок. Машиностроительный переулок устроен как натуральные ебня, там вообще ничего нет, иногда вроде какие-то гаражи, а так заборы и зелень, или просто общее повышение рельефа. За заборами непроходные промзоны, если их каким-то волшебным образом пересечь, то выйдешь на железку, которая ведет уже совсем к моему дому, но их не пересечь никак, поэтому надо просто идти направо по совершенно пустынной местности, по грунтовой дороге, естественно. Идешь по этой дороге, и довольно долго ничего не происходит, но потом начинается цивилизация. Это вступает в свои права Троллейбусный переулок, на котором есть дома, даже трехэтажные, во дворах которых висит белье и сидят, бездельничая, дети и подростки, есть бараки, есть гаражи, есть кривые сараи, о которых я уже докладывал. Ездят иногда машины. Опоры ЛЭП стоят прямо на дороге. Однако вокруг все равно, в основном, пустыри и растительность. Множество тропинок и даже дорожек отходят налево, суля, казалось бы, проход к вожденной жд, но им не стоит верить, попадешь в очередные гаражи или в болото, или упрешься в забор. С первого раза пройти без ошибки по улочкам в районе Троллейбусного переулка и выйти к улице Лепсе невозможно. Несмотря на название, по этому переулку ни разу в жизни не ездил ни один троллейбус, так же как в Машиностроительном переулке, я уверен, ни разу не построили ни одной, даже самой захудалой, машины. От Троллейбусного переулка имеются ответвления, и, если знать, можно выйти от него хоть к хлебозаводу, хоть к спорткомплексу «Родина», но нам надо к улице Лепсе. Около улицы Лепсе это уже не переулок, а лабиринт парковок и гаражей, откуда ты попадаешь во дворы.

Помимо того, что это червоточина в пространстве, это еще и лагуна во времени – там все так же, как было в застойносемидесятые. Я был там два раза, хотя меня и отговаривали ходить туда. Но у меня тут (непроизвольно) помимо растворения в своем народе выработалась особая манера передвигаться по таким местам: я немного горблюсь, а руки вот так вот слегка сгибаю, как будто у меня такие бицепсы, что руки не могут разогнуться до конца. Хожу я при этом как бы вперевалку, а пространство обзираю немного как бы исподлобья. И такая мимикрия работает.

Наконец, кратко о пути от улицы Лепсе к улице Мельникова. Одним предложением – дорога эта как раз из тех, где победила энтропия. Ходить там раньше было Можно, а теперь, конечно, тоже Возможно, но Не Стоит.

Ритмическое строение кировского акцента

Наш кировский акцент-то ведь многие хвалят за его, что ли, певучесть. Меня самого че-то долго удивляло, а в чем его особая певучесть. Долго думал и понять-то никак не мог, а потом как-то осенило, что ли. Всего и делов-то в его такой что ли особой ритмической структуре и смене ударных и безударных. Я писал ведь, что фраза тяготеет к окончанию «ударный-безударный», но только этого мало. Помимо этого наиболее яркого признака вятского акцента, у него так-то должно быть еще одно свойство: что в

разговорной-то кировской речи ударные слоги отталкиваются от друг друга, совсем как одноименно заряженные частицы.

И двух ударных подряд не бывает почти никогда, пусть хоть даже хоть на стыке что ли двух предложений или фраз или че хоть – как я писал, отдельная фраза нечасто оканчивается на ударный, и так же редко она на ударный начинается.

И более того, два ударных, разделенных одним безударным-то, тоже не такое-то частое и явление. Упомянутые частицы «то», «ли», «ведь» и так далее служат для отдаления ударных от друг друга хотя бы на два безударных. На некоторые теоретически ударные слоги для выполнения этого правила ударение не ставится. А главка, которую вы только прочитали – утрированный пример нашего кировского акцента.